

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Бугров А.Ю. Крестьянская реформа 1861 г. в освещении российской и английской газетной прессы // Филология: научные исследования. 2025. № 12. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.12.77314 EDN: VAXACE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77314

Крестьянская реформа 1861 г. в освещении российской и английской газетной прессы

Бугров Артём Юрьевич

ORCID: 0009-0006-6267-2517

преподаватель; факультет Журналистика ИГСУ; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
аспирант; институт журналистики и медиаиндустрий; Российский государственный гуманитарный университет
Ведущий специалист; центр ДПО ИГСУ; ФГБОУ ВО РАНХиГС

125627, Россия, г. Москва, р-н Куркино, ул. Соколово-Мещерская, д. 36, кв. 17

✉ lst0r1kk@yandex.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.12.77314

EDN:

VAXACE

Дата направления статьи в редакцию:

16-12-2025

Аннотация: Статья представляет собой сравнительный анализ восприятия Крестьянской реформы 1861 года в ведущих российских («Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости») и британских (The Times, The Guardian, Daily Telegraph) газетах. Российская пресса, особенно официальная, формировала нарратив всенародного единения, сакральности акта освобождения и верности монарху, детально освещая практические трудности реализации реформы, но в рамках её безусловной исторической необходимости. Британская пресса прошла путь от осторожного оптимизма (1857–1861) к глубокому скептицизму и критике (1865–1870), акцентируя половинчатость реформы, сохранение экономической зависимости крестьянства, авторитарные методы её проведения и прогнозируя долгосрочные системные противоречия. Ключевое различие заключалось в перспективе: российские издания фокусировались на текущих проблемах исполнения внутри принятой парадигмы, тогда как британские оценивали

реформу через призму либерального капитализма и парламентаризма, делая акцент на её системных последствиях для политики, общества и военного потенциала империи. Применяется сравнительно-историческое изучение газетных источников с использованием дискурсивного анализа текстов британской и российской прессы середины XIX века. Научная новизна исследования заключается в выявлении исторической преемственности нарративных моделей, формирующих восприятие крупных социально-политических преобразований в контексте международного взаимодействия государств. Сравнительный анализ показывает, как механизмы легитимации реформы в официальной российской прессе XIX века и её критика в британских медиа формируют прообразы современных стратегий освещения социально-политических преобразований. Исследование демонстрирует существование устойчивых дискурсивных рамок, в которых Россия осмысливает собственные реформы, а западный мир интерпретирует её политику и стратегические намерения. Этот историко-медийный анализ предоставляет ключ к пониманию долгосрочных моделей информационного взаимодействия между Россией и Западом, открывая новые перспективы исследования генезиса расходящихся нарративов о характере и значении государственных трансформаций в условиях современного информационного противостояния.

Ключевые слова:

Крестьянская реформа, сравнительный анализ, Санкт-Петербургские ведомости, Московские ведомости, Зэ Таймз, Зэ Гардиэн, Дейли Тэлиграф, британская пресса, Александр II, общественное мнение

Введение. Крестьянская реформа 1861 года, отменившая крепостное право, представляет собой ключевой этап социально-экономической и политической модернизации Российской империи. Манифест Александра II от 19 февраля 1861 г. инициировал системную трансформацию аграрных отношений, освободив свыше 22 миллионов человек. Однако значение реформы простирается за пределы юридического акта, выступая катализатором общественных дискуссий, активно рефлексировавшихся в медийном пространстве России и Европы. Сравнительный анализ её преломления в прессе Российской и Британской империй позволяет реконструировать идеологические контексты эпохи и механизмы формирования международного общественного мнения в условиях геополитического соперничества.

Актуальность исследования восприятия реформы обусловлена тремя факторами. Во-первых, пресса являлась ключевым каналом её легитимации в России, где власти стремились представить преобразования как «своевременный и милостивый дар» монарха. Во-вторых, британская пресса, сохранившая память о Крымской войне (1853-1856), интерпретировала реформу через призму конкуренции империй, совмещая оценку её потенциала с критикой российской автократии. В-третьих, сравнительный анализ выявляет транснациональные нарративы либерализма и консерватизма, сформировавшие дискурс модернизации XIX века.

Историографический контекст включает фундаментальные труды по правительственной политике и «крестьянскому вопросу» [Христофоров 2013]; [Долгин 2011], демографическим и экологическим аспектам реформы [Цинцадзе 2009], её культурологическому осмыслинию [Колосова 2005]. Современные исследования охватывают сравнительные аспекты освещения в прессе США и Великобритании [Большакова 2011], рецепцию зарубежной историографии, настроения дворянства

[Лузанова 2021], аграрно-правовые противоречия [Обоимова, Ипатов 2024]; [Чашников 2021]. Однако, как справедливо отмечает О.В. Большакова, целостный компаративный анализ медийного освещения, особенно проблемы публичного восприятия реформы за рубежом, остается недостаточно разработанным: «между двумя юбилеями ... англоязычная историография сосредотачивалась преимущественно на институциональных аспектах» [Большакова 2011].

Материалы исследования. В качестве материалов исследования выступили ключевые периодические издания Российской и Британской империй периода подготовки, проведения и непосредственного осмысления Крестьянской реформы 1861 года. Корпус российских источников составили официальные «Санкт-Петербургские сенатские ведомости» и отражавшие позицию консервативного либерализма «Московские ведомости». Британская пресса представлена влиятельными общественно-политическими изданиями — «The Times», «The Guardian» и «Daily Telegraph». В качестве исследовательского инструментария был применен сравнительно-исторический метод, дополненный дискурс-анализом и элементами контент-анализа. Это позволило не только сопоставить нарративы и оценочные суждения, но и реконструировать идеологические контексты, механизмы формирования общественного мнения и транснациональные дискурсивные практики, определяющие восприятие модернизации в двух империях-соперницах.

Источниковую базу составляют официальные издания Российской империи («Санкт-Петербургские сенатские ведомости», «Московские ведомости») и ведущие британские газеты («The Times», «The Guardian», «Daily Telegraph»). Положения Манифеста^[1] и 17 сопроводительных актов создавали двойственную ситуацию. Тексты Манифеста, сочетая правовую норму, идеологическое обоснование и риторику легитимации, сакрализовали власть монарха и преподносили реформу как акт «царской любви» и милости, а не социальную необходимость. Критический пафос направлялся на «неопределенность» прежних помещичьих прав, при этом создавался идеализированный образ утраченных «патриархальных отношений». Исторические прецеденты (Указ о вольных хлебопашцах 1803 г.^[2], инвентарные правила 1840-х гг. [Ружицкая 2005: 172]) представлялись недостаточными, а сама реформа 1861 г. — исполнением «завещания предшественников». Ключевой для социального примирения стала риторика о «добровольном отказе» дворянства от крепостных прав, маскировавшая факт правительственного давления.

Методологическую основу исследования составляет компаративный анализ дискурсов, позволяющий сопоставить не только содержание, но и идеологические рамки, риторические стратегии и целеполагание публикаций в прессе двух империй. В качестве ключевого исследовательского инструментария был применен сравнительно-исторический метод, который дал возможность проследить эволюцию оценок реформы в динамике (1857–1870 гг.) и выявить национальную специфику нарративов. Для детального анализа текстового материала использовались методы дискурс-анализа, направленные на реконструкцию систем ценностей, латентных смыслов и языковых конструкций, легитимирующих или оспаривающих преобразования. Элементы контент-анализа позволили систематизировать ключевые темы, частоту их появления и оценочные суждения, что обеспечило верифицируемость наблюдений. Такой синтез методов позволил перейти от простого сопоставления мнений к пониманию того, как различные политические системы и медийные среды конструировали фундаментально

разные образы одного исторического события.

Результаты исследования

Санкт-петербургские и Московские ведомости. Анализ материалов «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1860-1861 гг. позволяет реконструировать сложный процесс подготовки, обнародования и начальной реализации Крестьянской реформы 1861 года. Газета выступала не только хроникером, но и активным интерпретатором, формируя общественное восприятие «великого дела»^[3] [Гаес 2023: 205]. Сообщения о деятельности Редакционных комиссий и Главного комитета по крестьянскому делу подчеркивали значимость преобразований, хотя детали оставались секретными^[4]. Параллельно освещалась работа комиссий по смежным вопросам, таким как устройство земских банков, понимаемая как критическая для выкупной операции^[5].

Обнародование Манифеста 5 марта 1861 г. представлено как событие всенародного масштаба. Телеграммы из губерний создавали картину единодушного ликования^[6]. Описание сцены оглашения Манифеста в церкви несло мощный символический заряд перехода от крепостничества к свободе^[7]. Газета отмечала «необычайно трезвое и благоговейное поведение народа», интерпретируя это как признак глубокого осознания значимости события: «Он почти не пил, он словно готовился к великому таинству... забыв кабаки». Этот образ «трезвого народа» стал элементом нарратива о нравственном возрождении.

Однако за риторикой ликования газета фиксировала огромные практические трудности. Публикация текста «Положений» [Антонова 2024: 7] сопровождалась информацией о беспрецедентном спросе, свидетельствующем о жгучем интересе общества. Материалы губернских присутствий по крестьянским делам демонстрировали лавину юридических казусов и конфликтов [Самсонов 2025: 775], вызванных правовой неопределенностью^[8]. Фиксировались многочисленные конфликты между помещиками и временнообязанными крестьянами, обусловленные сопротивлением части дворянства духу реформы. Ярким примером служат действия помещика Остолопова в Ярославской губернии, чья «уставная грамота... по всем пунктам почти противоречащая „Положению“» и требования наказаний крестьян игнорировали реальные обстоятельства, демонстрируя болезненность отказа от неправовых форм господства и важность мировых посредников как арбитров^[9]. К примеру, возник конфликт между военным губернатором А.Н. Муравьевым и нижегородским дворянством [Селиверстова 2023: 549]. Он был спровоцирован противоречиями в отношении методов проведения реформы и её последствий для дворянства. Конфликт достиг своего апогея, когда Муравьев попытался провести ряд реформ, направленных на перераспределение земель в пользу крестьян. Эти меры вызвали ожесточенное сопротивление со стороны дворянства, которое видело в них угрозу своему социальному положению.

В противовес конфликтам газета приводила единичные примеры конструктивного взаимодействия, как соглашение помещика Запольского с крестьянами Путивльского уезда Курской губернии, заключенное «по обоюдному соглашению». Запольский снизил установленный оброк и способствовал выкупу, создав образец перехода к новым отношениям, подчеркивая зависимость успеха реформы от доброй воли помещиков^[10].

Особое внимание уделялось роли новых институтов – мировых посредников [Шендыгаева 2023: 164] и их съездов. Сообщения подчеркивали их стремление к согласованию действий и разрешению проблем через личное общение, противопоставляя это «вялости

бюрократических приемов» [Там же: 165]. Циркуляр губернатора указывал на необходимость разрешения «недоразумений» между новыми мировыми учреждениями и традиционной полицией для обеспечения «единства действий»^[11], свидетельствуя о сложности интеграции сословно-общественных институтов в бюрократическую систему. Экономические аспекты, включая дискуссию о преимуществах децентрализованной системы земских банков^[12], указывали на осознание необходимости финансовой инфраструктуры для выкупной операции. Однако после начала реформы письма помещиков, подобные письму А.Роота^[13], жаловавшегося на резкое падение производительности труда временно обязанных крестьян, показывали тяжелые экономические реалии переходного периода, вынуждавшие сокращать запашку и искать альтернативы [Карпачев 2023: 8].

Газета фиксировала рост общественной инициативы, связываемый с духом преобразований: бурный рост воскресных школ^[14], открытие клубов, сбор средств крестьянами на храм в честь освобождения^[15]. Обсуждение в дворянских собраниях вопросов гласного суда^[16] показывало восприятие реформы как начала широкой модернизации. «Санкт-Петербургские ведомости» представляли реформу как сложный, многомерный процесс, активно формируя ее символизм и подчеркивая историческую роль Императора-Освободителя, одновременно фиксируя практические трудности и сохраняя позитивный контекст^[17].

«Московские ведомости», заняв более консервативную позицию под влиянием М.Н. Каткова (редактор-арендатор с 1863 г.), признавали историческое значение реформы, но жестко критиковали ее механизмы и выражали глубокую озабоченность последствиями^[18]. Финансовое бремя выкупной операции рассматривалось как главный источник экономического стресса государства, «значительно увеличивающий обязательства государства» и ограничивающий финансовый маневр. Глубокую тревогу вызывало влияние реформы на стабильность империи, ассоциируемое с рисками «разложения», «центробежных стремлений» и проникновения «яда всесветной революции». Парадоксально, но опыт реформы и мобилизации во время Польского восстания 1863 г. [Бендин 2023: 189] служил главным аргументом в пользу «политической зрелости» русского общества: «помещик и крестьянин бросили свои счеты, все собралось вокруг престола... жертвовать всем для сохранения чести и целости отечества», косвенно признавая формирование новой общероссийской идентичности.

В полемике со славянофилами (Ю.Ф. Самарин) газета резко критиковала сохранение общинного землевладения и круговой поруки, видя в них пережитки крепостничества. Круговая порука оценивалась как «продолжение крепостного права» и «тормоз прогресса»^[19]. Будущее развитие связывалось с эволюционным усилением личной свободы крестьянина и развитием земского самоуправления^[20]. Программная статья 1864 г. резюмировала позицию: признавая, что реформа пробудила «науку, гуманность, доброжелательство»^[21], газета настаивала на разделении благого «руководящего чувства» и проблемного «практического исполнения», где финансовое бремя оставалось ключевой проблемой. Резко критиковался петербургский «прогрессизм» за увлечение процессом в ущерб содержанию. Урок реформы виделся в необходимости осмотрительности, последовательности и прагматизма: «Мы должны знать, что мы делаем».

Публикации 1865-1870 гг. развивали либерально-экономическую программу. Велась последовательная борьба против принципа неотчуждаемости крестьянских наделов, объявленного тормозом развития и аналогичного крепостному праву^[22]. Особое внимание уделялось дискриминационному положению государственных крестьян [Новикова 2023: 27], оказавшихся в худшем положении, чем бывшие помещичьи^[23]. Проблема свободы передвижения «передвижене» увязывалась с критикой неотчуждаемости и общины [Баранов 2025: 66]. Свобода миграции виделась ключом к преодолению отсталости: «рабочая сила... только и может свободным своим движением восстановить кровообращение... русской земли»^[24]. Требовалась отмена подушной подати и барьеров для переселения как «второе действительное освобождение». Критиковались общинные институты, особенно круговая порука и общественные запашки, объявляются шагом к чуждому коммунизму^[25]. Несмотря на критику, высоко оценивалась роль дворянства в проведении реформы, его «великий гражданский подвиг» и патриотизм^[26], а также «здравый смысл народа», проявленный в удивительном спокойствии после освобождения. Публикации «Московских ведомостей» представляли последовательную программу углубления экономических реформ (частная собственность, свобода договора и передвижения) при сохранении социально-политической стабильности, являясь ценным источником для понимания идеологических течений пореформенной эпохи.

Таблица 1. Сравнение Санкт-петербургские ведомости и Московских ведомостей

Критерии Сравнения	Санкт-петербургские ведомости (Официальная позиция)	Московские ведомости (консервативно-либеральная позиция под редакцией М.Н. Каткова)
Общая идейно-политическая позиция	Официально-лояльная, проправительственная.	Критически-консервативная с элементами либерального, признание исторической необходимости, но резкая критика исполнения и последствий
Основная задача дискусса	Сформировать символический нарратив всенародного единства и поддержки «великого дела», представив реформу как исполнение воли монарха-освободителя	Анализировать практические провалы и системные риски, сформулировать программу «исправления» реформы через углубление экономических свобод
Тон риторика в 1861 г.	Торжественно-лидерующий, сакральный. Описание «благоговейного»	Ранний период (до 1863 г.) - более сдержаный, в последующем - аналитически-

	“трезвого” народа, “великого таинства” освобождения	критичный, тревожный
Ключевые символы нарративы и	<ul style="list-style-type: none"> - Император: сакральная фигура Освободителя; - Дворянство: в целом позитивно, но отмечается сопротивление части; - Крестьяне: “благоговейный”, сознательный народ; - Новые институты: (мировые посредники): позитивно, как арбитры и двигатели согласия 	<ul style="list-style-type: none"> - Император: признается инициализатор, но критикуются за допущенные ошибки; - Дворянство: высоко оценен “великий гражданский подвиг” и патриотизм; - Крестьяне: “здравый смысл народа”, но они - жертвы плохих законов; нуждаются в “втором освобождении”; - Петербургская бюрократия (“прогрессизм”): резкая критика за увлечение процессом в ущерб содержанию
Видение будущего развития	Реформа - начало широкой модернизации (развитие суда, земств, народного образования). Акцент на эволюционном развитии в рамках существующей системы	<p>Необходима программа углубления реформ:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Частная собственность на землю (отмена неотчуждаемость наделов); • Свобода договора передвижения (отмена подушной подати и барьеров) • Учреждение общинных институтов (круговая порука, общественные запашки)
Роль в общественной дискуссии	Интерпретатор и проводник официального курса, формирование “позитивного” общественного восприятия	Критик и идеолог альтернативного (либератно консервативного) пути развития, выразитель интересов части поместного дворянства и формирующейся либеральной бюрократии

Times, Daily Telegraph, The Guardian) 1857–1870 гг. представляет ценный источник для изучения международного восприятия отмены крепостного права в России. Эволюция оценок демонстрирует смену фаз: от осторожного оптимизма к разочарованию реализацией и анализу системных последствий^[27].

Первые публикации фиксировали переход российского правительства от деклараций к поиску механизмов реформы. The Times (1857) выделяла ключевые препятствия: региональную дифференциацию крепостничества и сопротивление дворянства как главный барьер "opposition on the part of the nobles... is as great as it is"^[28]. Daily Telegraph (1857) акцентировала морально-этическую составляющую, подчеркивая принципиальное отличие от положения английского рабочего – отсутствие у крепостного контроля над собственной судьбой "no control over his future destinies" и унизительную суть зависимости. Анализ указа о реформе в западных губерниях отмечал его компромиссный характер.

По мере приближения 1861 года тон становился критичнее. The Times (1860) фиксировала углубляющийся конфликт между правительством и дворянством, сосредоточенным на финансовых аспектах, а также провал создания ипотечных банков из-за капиталистического недоверия^[29]. Daily Telegraph (1860) детализировала программу консервативной оппозиции, предлагавшей ограниченное освобождение и игнорирующей системную коррупцию^[30]. Непосредственно перед публикацией Манифеста Daily Telegraph (февраль 1861) предупреждала о рисках крестьянских волнений, связывая их со злоупотреблениями помещиков "short lease of tyranny", иллюстрируя это случаями вроде Воронежского инцидента^[31]. The Times (февраль 1861) подвергла критике пассивность дворянства и авторитарный метод проведения реформы, создавший опасный прецедент: "When an autocrat... aspires to effect by a coup de main an organic change... he must expect to see it followed by a period of stagnation, reaction, and mutilation"^[32]. Восприятие самого Манифеста Daily Telegraph (март 1861) отличалось акцентом на его декларативности и непонимании народом реальных условий, а также критикой компромиссного механизма^[33]. Уже к концу 1861 года The Times отметила нарастание системного кризиса, проявившегося в репрессиях власти^[34], а Daily Telegraph констатировала радикальный сдвиг в позиции дворянства, превратившегося в силу, требующую конституционных ограничений монархии^[35].

К середине 1860-х оценки ужесточились. The Guardian (1865) анализировал институциональные противоречия, подчеркивая антагонизм между бюрократией и дворянством, цитируя презрительное отношение чиновников к помещикам "spat upon the nobles"^[36]. Разоблачалась коррупция и искусственное завышение цен при выкупных операциях. Daily Telegraph (1865) прямо называла реформу половинчатой "emancipation means in fact only one-half of the operation", проводя аналогии с эксплуатацией ирландских арендаторов^[37]. Экономические потери дворянства порождали конституционные инициативы, но их мотивы оценивались скептически.

К 1870 году фокус сместился на долгосрочные последствия. Daily Telegraph отмечала парадоксальный эффект: формирование класса мелких собственников создавало антиоенные настроения, но качественно меняло мотивацию солдат – "free men, with a stake in the country"^[38]. Подчеркивалась трансформация основ лояльности (от защиты от помещика к религиозно-патриотическому компоненту) и кардинальное изменение стратегических возможностей империи благодаря развитию железнодорожной

инфраструктуры [\[39\]](#).

Эволюция британских оценок демонстрирует переход от анализа предпосылок к осмыслению системных политических, социальных и военных последствий. Критический анализ половинчатости реформы, бюрократического произвола и сохранения элементов экономической зависимости крестьянства оказался во многом пророческим, предвосхитив проблемы постформенного развития России. Британские корреспонденты, несмотря на определенную тенденциозность, сумели зафиксировать ключевые противоречия «революции сверху», осуществлённой без трансформации политической системы.

Таблица 2. Сравнение *The Times*, *Daily Telegraph*, *The Guardian*

Критерии Сравнения	The Times	Daily Telegraph	The Guardian
Общая идеино-политическая позиция	Официальный голос британского истеблишмента. Оценка через призму государственных интересов, стабильности и геополитического соперничества.	Популярная газета, отражающая взгляды среднего класса. Акцент на моральной оценке, человеческом аспекте, сенсационных деталях.	Орган либеральной интеллигенции. Аналитический фокус на институциональных противоречиях, социальной справедливости и принципах либерализма
Основная задача дискусса	Анализ системных последствий реформы для внутренней стабильности и внешнеполитического потенциала Российской империи. Предупреждение об опасностях авторитарной модернизации.	Донести драматизм события до широкой публики, дать яркую моральную оценку, связать с понятными британцу реалиями (ирландский вопрос).	Выявить глубинные институциональные и социальные противоречия российской системы, которые реформа не разрешает, а зачастую усугубляет.
Ключевые символы и нарративы	- Авторитарный произвол: реформа как «coup de main», ведущий к стагнации. - Конфликт элит: правительство против дворянства. - Системный кризис	- Моральная драма: крепостной как человек «без контроля над судьбой». - Половинчатость: «только одна	- Институциональный антагонизм: презрение бюрократии к дворянству («spat upon the nobles»). - Системная коррупция: как

	как закономерный итог.	половина операции». - Яркие аналогии: прямое сравнение с эксплуатацией ирландских арендаторов.	механизм реализации реформ (завышение выкупных цен)
Видение будущего развития	Фокус на политических последствиях: радикализация дворянства, превращающегося в конституционную оппозицию. Оценка изменений в социальной базе империи.	Фокус на социальных и военных последствиях: формирование нового класса солдат-собственников («free men, with a stake in the country»), изменение мотивации армии.	Общий анализ системных противоречий, которые реформа не устранила, сделав их лишь менее явными, но более взрывоопасными.
Видение движущих сил и препятствий	Главное препятствие: корыстное, пассивное дворянство, чьи финансовые интересы блокируют прогресс. Главная сила/проблема: авторитарное правительство, чьи методы порождают новые конфликты.	Главное препятствие: злоупотребления и «тирания» помещиков («short lease of tyranny»). Акцент: на человеческом страдании крестьян и их потенциальном бунте.	Главное препятствие: сама бюрократическая система, коррумпированная и презирающая все сословия. Фокус: на институтах как источнике зла.
Отношение к России в целом	Соперничающая, но значимая империя, чьи внутренние процессы напрямую влияют на европейский баланс сил. Оценка трезвая и стратегическая.	Объект морального осуждения и одновременно любопытства. Часто изображается как экзотический, отсталый и	Объект критического социального исследования. Рассматривается как наглядный пример пороков автократии и отсутствия правовых

		жестокий антипод Британии.	институтов.
--	--	----------------------------------	-------------

Обсуждение. Сравнительный анализ медийных нарративов Крестьянской реформы 1861 года в Российской и Британской империях выявляет не просто разницу в тональности, а фундаментальное различие в самих целях и эпистемологических рамках публичного высказывания. Российская пресса, функционировавшая в поле государственного давления и цензуры, была вынуждена решать в первую очередь внутреннюю политическую задачу: сконструировать и внедрить в общественное сознание легитимный образ реформы как национального проекта, направляемого сакральной волей монарха^[40]. Даже критический дискурс «Московских ведомостей», сфокусированный на финансовой обузе и институциональных недостатках^[41], оставался в границах «системной» критики, нацеленной не на отрицание преобразования, а на его «исправление» и углубление через развитие экономического либерализма^[42]. Таким образом, отечественная пресса выступала активным участником сложного процесса социального примирения и легитимации, формируя символический капитал власти и одновременно фиксируя «болезни роста» нового общественного устройства.

Британская же пресса, свободная от внутренних ограничений российской политической системы, могла позволить себе позицию внешнего, аналитического наблюдателя, чья критика была обусловлена не только геополитическим соперничеством, но и нормативными установками либерального капитализма и парламентаризма. Её центральным нарративом стала критика системной половинчатости и авторитарного метода^[43]. Британские издания мгновенно перевели дискуссию с констатации факта освобождения на анализ его институциональных изъянов: коррупции при выкупных операциях^[44], сохранения экономической зависимости^[45] и трансформации политического ландшафта империи. Поразительна их прогностическая точность: предсказания о нарастании конфликта между бюрократией и дворянством, о сохранении глубинных социальных антагонизмов и о трансформации военного потенциала России через создание класса солдат-собственников^[46] в полной мере оправдались в пореформенный период.

Итоговое противопоставление можно свести к дилемме «дискурс легитимации» versus «дискурс системной критики». Российская пресса создавала комплексный, внутренне противоречивый, но в целом лояльный образ национальной модернизации, в котором практические трудности выступали как преодолимые издержки исторически верного пути. Британская пресса сконструировала последовательно критический мета-нarrатив, разоблачивший фундаментальные пороки авторитарной модели развития. Это сравнение демонстрирует, как одно и то же историческое событие кардинально преломляется в медийных полях, структурированных разными политическими системами, идеологиями и задачами. Изучение этих отражений позволяет реконструировать не только ход реформы, но и сами принципы формирования общественного мнения и идеологических баталий в трансатлантическом пространстве XIX века.

Таблица 3. Сравнение Русской и Британской прессы

Критерии сравнения	Российская пресса («Санкт-	Британская пресса («The Times», «The Guardian»,
-----------------------	-------------------------------	--

	«Петербургские ведомости», «Московские ведомости»)	«Daily Telegraph»)
Идеологическая позиция и перспектива	Внутрисистемная. Лояльная или критическая, но в рамках национального проекта имперской модернизации.	Внешняя, либерально-критическая. Оценка через призму геополитического соперничества и ценностей парламентаризма.
Основной фокус внимания и нарратив	Легитимация и практика: Сакрализация Манифеста как «дара», фиксация трудностей реализации (юридические казусы, конфликты, критика механизмов (финансовая обуза)	Системная критика и последствия: Осуждение авторитарного метода («coup de main»), половинчатости («one-half of the operation»), коррупции («spat upon the nobles»), анализ долгосрочных эффектов
Оценка ключевых акторов	Император: Сакральный Освободитель. Дворянство: Носитель «гражданского подвига», но часть – сопротивление. Крестьяне: «Благоговейный» народ или объект дальнейшего освобождения.	Император/Правительство: Автократ и коррумпированная бюрократия. Дворянство: Препятствие, затем конституционная оппозиция. Крестьяне: Жертвы системы, будущие солдаты-собственники.
Видение причин и последствий	Реформа исторически необходимое, но сложное «великое дело», начало дальнейших преобразований (суд, земство). Проблемы – трудности роста, требующие эволюционных реформ (отмена	Реформа – вынужденная полумера, вскрывающая пороки автократии. Последствия – системный кризис, социальная нестабильность, но и изменение военного потенциала империи. Прогноз преимущественно пессимистичный.

	общины).	
Хронологическая динамика тона	От ожидания и ликования (1861) к прагматичной фиксации проблем и программной критике (1864-1870).	От осторожного оптимизма (1857) к резкой критике (1860-1861) и разочарованию с анализом системных провалов (1865-1870).

Выводы. На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Проведенный сравнительный анализ демонстрирует, что пресса выступала не просто регистратором, но и активным конструктором исторического знания о реформе. Отечественные издания формировали «живой» и многогранный нарратив, в котором официальная сакрализация событий сочеталась с пристальным вниманием к болезненным практическим коллизиям, от юридических казусов до падения производительности труда. Британская пресса, в свою очередь, создала целостный аналитический мета-нарратив, который перевел обсуждение из плоскости конкретного события в плоскость системной критики политического устройства России. Таким образом, медийное поле стало эпистемологическим фильтром, кардинально преломлявшим смыслы одного события для двух разных цивилизаций.

Исследование также выявляет ключевую роль нарративных мифологем и символов в медийной легитимации масштабных социальных преобразований. Образы «трезвого народа», «монарха-освободителя», «великого гражданского подвига» дворянства в российской прессе или, напротив, метафоры «coup de main» и «половинчатой операции» в британской — выступали не просто риторическими фигурами, а смысловыми ядрами, вокруг которых кристаллизовалось общественное мнение. Умение создавать и внедрять такие символические конструкции оказывалось не менее важным инструментом политики, чем сами законодательные акты.

В конечном счете, работа подтверждает историческую преемственность базовых механизмов медийного освещения реформ. Стратегии XIX века — от формирования сакрального ореола вокруг власти и акцента на практических трудностях до внешней критики системных изъянов — находят прямые аналогии в современных информационных кампаниях. Это позволяет рассматривать прессу не как пассивное зеркало эпохи, а как самостоятельную силу, которая, оперируя специфическими для каждой политической культуры дискурсивными практиками, участвует в долгосрочном проектировании коллективной памяти и национальной идентичности.

[\[1\]](#) Манифест 19 февраля 1861 г. «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» // Российское законодательство X-XX вв.: в 9 т. Т. 7: Документы крестьянской реформы / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1989. С. 27–32.

[\[2\]](#) Российское законодательство X-XX вв. Т.6, 1988

[\[3\]](#) Санкт-Петербургские ведомости. 1861. № 52.

[\[4\]](#) Санкт-Петербургские ведомости. 1860. № 227.

[\[5\]](#) Санкт-Петербургские ведомости. 1860. № 60.

- [6] Санкт-Петербургские ведомости. 1861, № 56, № 57, 58, № 59.
- [7] Санкт-Петербургские ведомости. 1861. № 60.
- [8] Санкт-Петербургские ведомости. 1861. № 110.
- [9] Санкт-Петербургские ведомости. 1861. № 216.
- [10] Санкт-Петербургские ведомости. 1861. № 264.
- [11] Санкт-Петербургские ведомости, № 227, 1861.
- [12] Санкт-Петербургские ведомости, № 54, № 60, 1860.
- [13] Санкт-Петербургские ведомости, № 227, 1861.
- [14] Санкт-Петербургские ведомости, № 60, 1861.
- [15] Санкт-Петербургские ведомости, № 88, 1861.
- [16] Санкт-Петербургские ведомости, № 56, 1860.
- [17] Санкт-Петербургские ведомости, № 60, 1861.
- [18] Московские ведомости. Февраль 1864.
- [19] Московские ведомости. Февраль 1864.
- [20] Московские ведомости. Апрель 1864.
- [21] Московские ведомости. Декабрь 1864.
- [22] Московские ведомости. Февраль, 1865.
- [23] Московские ведомости. Январь 1865, Апрель, 1868.
- [24] Московские ведомости. Апрель, 1868.
- [25] Московские ведомости. Апрель, 1868.
- [26] Московские ведомости. Февраль, 1870.
- [27] The Times, July 28, 1857, Daily Telegraph, December 25, 1857, The Times. January 21, 1860
- [28] The Times, July 28, 1857
- [29] The Times. January 21, 1860.
- [30] Daily Telegraph. March 29, 1860.
- [31] Daily Telegraph. February 19, 1861.

[\[32\]](#) The Times. February 19, 1861.

[\[33\]](#) Daily Telegraph. March 16, 1861.

[\[34\]](#) The Times. November 1, 1861.

[\[35\]](#) Daily Telegraph. November 8, 1861.

[\[36\]](#) The Guardian, July 28, 1865

[\[37\]](#) Daily Telegraph, February 4, 1865.

[\[38\]](#) Daily Telegraph, November 19, 1870

[\[39\]](#) Daily Telegraph, November 19, 1870

[\[40\]](#) Санкт-Петербургские ведомости. 1861. № 59.

[\[41\]](#) Московские ведомости. Февраль 1864.

[\[42\]](#) Московские ведомости. Февраль 1870.

[\[43\]](#) The Times. February 19, 1861.

[\[44\]](#) The Guardian, July 28, 1865.

[\[45\]](#) Daily Telegraph, February 4, 1865.

[\[46\]](#) Daily Telegraph, November 19, 1870.

Библиография

1. Новикова Е.В. Крестьянская повседневная жизнь в Российской империи в XIX веке // Аграрная история. 2023. № 14. С. 23-32. EDN JBXZYG.
https://doi.org/10.52270/27132447202314_23
2. Антонова Е.Г. Правовые аспекты аграрной реформы 1861 года // Аграрное и земельное право. 2024. № 3(231). С. 6-8. EDN VITOMY. https://doi.org/10.47643/1815-132920243_6
3. Баранов Д.А. Анализ взглядов на эволюцию крестьянской общины в российской историографии // Аграрная история. 2025. № 21. С. 63-72. EDN LERZZW.
<https://doi.org/10.5281/zenodo.15168891>
4. Бендин А.Ю. Решение "русского вопроса" польскими сепаратистами и русскими "революционерами" в 1861-1863 годах // Тетради по консерватизму. 2023. № 3. С. 187-202. EDN FARMFZ. <https://doi.org/10.24030/24092517-2023-0-3-187-202>
5. Большакова О.В. Между двумя юбилеями: англоязычная историография отмены крепостного права // Российская история. 2011. № 4. С. 14-26. EDN OFXJWB.
<https://doi.org/10.5281/zenodo.15168891>
6. Гаес М.А. К вопросу о готовности общественных масс к отмене крепостного права в России в 1861 году // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2023. № 5(81). С. 202-206. EDN RXLHMZ.
7. Долгих А.Н. Российское самодержавие и крестьянский вопрос: 1796-1825 гг.: автореферат дис. ... доктора исторических наук: 07.00.02. Самара: [б.и.], 2011. 35 с. EDN: ZODYFD.
8. Иерусалимский Ю.Ю. Отечественная историография второй половины XIX – начала XX

- века о крестьянской реформе 1861 г. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 415. С. 71-75. DOI: 10.17223/15617793/415/9. EDN: VNMEYV.
9. Карпачев М.Д. Крестьянский консерватизм и аграрные реформы в России в начале ХХ века // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2023. № 2. С. 5-12. EDN PLVNXJ.
10. Колосова Н.Н. Общественная реформа в контексте культурологического анализа: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 24.00.01. Ростов-на-Дону: [б.и.], 2005. 22 с. EDN: NJUPVB.
11. Кондратьев С.В. Предреволюционная Шотландия // Европа. 2012. № 11. С. 112-138. EDN PENONZ.
12. Лузанова Н.А. Теоретико-методологические проблемы изучения вопроса "Общественные настроения российского дворянства накануне крестьянской реформы 1861 г." // Энigma. 2021. № 32. С. 109-121. EDN UUTAEE.
13. Обоимова Р.В., Ипатов А.М. Проекты решения земельного вопроса и их реализация в ходе крестьянской реформы 1861 года // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2024. № 2(303). С. 25-31.
14. Российское законодательство X-XX вв.: в 9 т. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1988. 432 с.
15. Ружицкая И.В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. М.: Наука, 2005. 314 с. EDN: QWHOYV.
16. Самсонов Д.Д. Организация формирования нормативной базы крестьянской реформы (1857-1861 гг.) // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2025. № 4(104). С. 773-778. EDN MIDNMN.
17. Селиверстова Н.М. Конфликт военного губернатора А.Н. Муравьева с нижегородским дворянством в период крестьянской реформы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22, № 4. С. 546-558. EDN QNNFKO. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-4-546-558>
18. Христофоров И.А. Риторика обращения к "истории" при решении крестьянского вопроса в правительственные кругах в XIX в. // Пути России. Историзация социального опыта: материалы Междунар. науч. конф., Москва, 04-05 февр. 2011 г. / под общ. ред. М.Г. Пугачевой, В.П. Жаркова. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 528-539. EDN YWKGOK.
19. Цинцадзе Н.С. Демографические и экологические аспекты подготовки и проведения крестьянской реформы 1861 года в оценках современников: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Тамбов: [б.и.], 2009. 24 с. EDN: NKSEGX.
20. Чашников М.А. Крестьянская реформа 1861 г. Изменение правового положения крестьянства // Вестник науки. 2021. Т. 4, № 1(34). С. 145-150. EDN: NHFRUM.
21. Шендыгаева А.В. Трансформация образа мирового посредника в контексте реализации Крестьянской реформы 1861 г. // Общество: философия, история, культура. 2023. № 8(112). С. 163-171. EDN AOFYJGJ. <https://doi.org/10.24158/fik.2023.8.24>

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая научная работа посвящена исследованию репрезентации реформы

отмены крепостного права в России в качественной отечественной и английской прессе. Исследуется роль СМИ в формировании общественного мнения, выявляются ключевые нарративы, мифологемы, риторические приемы, идеологические и оценочные компоненты, объективированные в анализируемых изданиях.

В исследовании применяются дискурс-анализ, контент-анализ и сравнительно-исторический метод, что позволяет определить «как различные политические системы и медийные среды конструировали фундаментально разные образы одного исторического события» и выявить «систему ценностей, латентных смыслов и языковых конструкций, легитимирующих или оспаривающих преобразования в России».

Актуальность исследования обусловлена тремя факторами. Во-первых, выявлены базовые нарративы российской прессы, где политические и социальные преобразования представлены как «своевременный и милостивый дар» монарха. Во-вторых, установлено, что в британской прессе представлена преимущественно критика действий российской власти. В-третьих, проведенный сравнительно-сопоставительный анализ выявляет доминантные нарративы, сформировавшие дискурс модернизации XIX века в отечественных и зарубежных СМИ.

Научная новизна исследования определена тем, что в научное поле вводится новый корпус текстов, проведен сопоставительный анализ репрезентации темы «Отмена крепостного права в России», выявлены субтемы, идеологические, оценочные и критические аспекты их освещения.

Стиль работы соответствует научному. Структура работы позволяет проследить логику исследования. Во «Введении» обозначены предмет и актуальность работы, определена теоретическая база исследования, включающая фундаментальные труды по правительенной политике и «крестьянскому вопросу», демографическим и экологическим аспектам реформы, её культурологическому осмыслению. Кроме того, представлена теоретическая база, в которую вошли труды, посвященные анализу освещения реформы отмены крепостного права в российских, американских и британских СМИ. В разделе «Материалы исследования» охарактеризован корпус текстов, который был изучен автором. Так, в эмпирическую базу вошли публикации в отечественных газетах «Санкт-Петербургские сенатские ведомости» и «Московские ведомости» и в английских СМИ – «The Times», «The Guardian», «Daily Telegraph». Кроме того, были изучены Положения Манифеста и 17 сопроводительных актов. В разделе «Результаты исследования» проведен сравнительно-сопоставительный анализ репрезентации изучаемой темы на страницах указанных изданий. Данные представлены в таблице, что резюмирует и систематизирует умозаключения автора.

В источниковую базу исследования включено 45 текстов анализируемых изданий и текст Манифеста 19 февраля 1861 года. В Библиографическом списке представлен 21 источник, включая как фундаментальные монографические работы, так и современные научные статьи, связанные с заявленной проблематикой.

Конфликт интересов не обнаружен. Автор корректно цитирует работы других исследователей, расширяя тематическое и содержательное поле научных работ по данной теме.

Автор делает выводы, что, во-первых, пресса выступала активным конструктором исторического знания о реформе. Отечественные издания «формировали «живой» и многогранный нарратив, в котором официальная сакрализация событий сочеталась с пристальным вниманием к болезненным практическим коллизиям, от юридических казусов до падения производительности труда. Британская пресса зачастую переходила в плоскость системной критики политического устройства России». Во-вторых, в отечественной прессе выявлены мифологемы «трезвый народ», «монарх-освободитель», «великий гражданский подвиг» дворянства в российской прессе, в то время как

британские СМИ использовали метафору «половинчатой операции» и последовательно критиковали проведенную реформу. В-третьих, определена динамика трансформации освещения темы, связанной с реформой отмены крепостного права: российская пресса «создавала комплексный, внутренне противоречивый, но в целом лояльный образ национальной модернизации, в котором практические трудности выступали как преодолимые издержки исторически верного пути, а британская пресса сконструировала последовательно критический мета-нarrатив, разоблачавший фундаментальные пороки авторитарной модели развития».

Рецензируемая научная работа может быть интересна историкам, культурологам, специалистам по истории отечественной и зарубежной журналистики. Статья рекомендуется к публикации в журнале «Филология: научные исследования».